

Шигабутдину Марджани – 200 лет со дня рождения

Азамт Ахундов

ШИГАБУТДИН МАРДЖАНИ... Имам Первой соборной мечети, мухтасиб Казани, член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, автор свыше 30 томов фундаментальных трудов, посвящённых различным вопросам мусульманского богословия, истории татарского народа.

В этом году мы отмечаем 200-летие со дня его рождения. Большая дата. Особенно для татарского народа. Ведь наше наследие, несомненно, богатое и значимое, дошло до нас в урезанном виде. Теперь мы собираем его по крупицам... И каждое имя на вес золота. Мы должны всегда помнить об этом и не разбрасываться нашим прошлым. Хранить и приумножать то, что есть.

Величие Марджани было столь высоким, что его имя просвечивало сквозь ретушь советских цензоров. В то время, когда вычёркивалось всё, что хоть как-то было связано с «проклятым царским режимом», имя татарского богослова никак не удавалось спрятать в сундук забвения. Мало того, не получилось наклеить на него ни один из расхожих тогда ярлыков. Типа «реакционера» или «мракобеса». Не клеились ярлыки, отлетали...

Так и дошло до наших дней имя Марджани чистым и незапятнанным. Это и есть величие. А может – и святость?

Быть великим непросто

* * *

Великий проказник в детстве и великий учёный в зрелом возрасте. Слово «великий» сопровождало его всю жизнь, ходило за ним по пятам. Этот эпитет вновь и вновь звучит и в наши дни, когда имя Марджани поминают всуе, по случаю и без. Сам Марджани – человек глубоко верующий, чётко понимал, что истинно великим может быть только Всевышний. А человек лишь соломинка, которую несут по воле волн неведомые силы...

* * *

Шигабутдин ибн Багаутдин ибн Субхан ибн Габделкарим ал-Казани ал-Марджани был первенцем у 32-летнего отца и 24-летней матери. Он появился на свет 16 января 1818 года в селе Ябынчи Казанской губернии, ныне Атинского района Татарстана. Родом он был из семьи известных религиозных деятелей, наиболее видными представителями которой были его дед Субхан ибн Габделкарим и отец Багаутдин ибн Субхан. Предки учёного когда-то основали в 50 километрах от Казани село Марджан. Отсюда и происходил его тахаллус-прозвище «ал-Марджани».

Жизнь отца и деда Марджани прошла в родном Заказанье, они не представляли себе иной судьбы вне Родины. А ведь когда-то отца учёного – Багаутдин-хазрата уговаривал остаться в Бухаре после окончания учёбы сам эмир Хайдар ибн Магсум. Но ни богатства, ни заманчивые должности, ни перспективы блестящей карьеры – ничто не прельстило татарского шакирда.

В детстве Шигаб рос весёлым и хулиганистым ребёнком, был настоящим проказником. Возможно, это было связано с тем, что в раннем детстве он лишился матери, которая умерла сразу после родов. Конечно, эта трагедия не могла не сказаться на характере мальчика, хотя сам Марджани считал, что это только помогло ему быстрее стать самостоятельным человеком. Строгие

отец и мачеха не терпели шалостей и мальчику частенько доставалось «на орехи». Уже взрослым Марджани наказывал ученикам: «Никогда не колотите своих детей! Тем более, не бейте их по голове!»

Но тумачи и побои не смогли укротить неуёмного мальчишку. Юный Шигаб обожал всевозможные шутки и розыгрыши. Однажды, вырезав из листа белой бумаги маску, он нацепил её на лицо и в сумерках вышел на улицу пугать загулявших детей и старух. Одна из бабок, приняв мальчика за шайтана, со злости огрела его скалкой так, что Марджани запомнил это на всю жизнь. Позже он рассказывал об этом со смехом: «В глазах вспыхнули искры, решил – всё, голова расколется на части. Но вроде обошлось. Аллах миловал». Но, видимо, досталось ему тогда мало, поскольку озорник не прекратил свои шалости. Как-то наш герой организовал речное путешествие для малышек, усадив их на самодельный «корабль» – на обычную деревянную дверь! Хорошо, что им не удалось уплыть далеко, иначе беды было бы не миновать. Юный Марджани любил устраивать среди соседских мальчишек конкурс – кто выдует с одного выдоха деревянный шарик за пределы нарисованного круга. В предвкушении приза мальчишки изо всех сил тужились, дули до посинения, но так и не могли сдвинуть шарик с места. Они ведь не знали, что проказник Шигаб прицепил шарик леской к ножке стола!

Возможно, его шутки объяснялись избытком сил и энергии, ведь ещё подростком на сабантуях он легко валил наземь здоровенных деревенских мужиков. С побеждёнными он больше никогда не встречался на майдане, считая их «отработанным материалом».

Но шутки шутками, а тяга к знаниям оказалась сильнее. Ещё в детстве, обучившись грамоте, он начал почитать книжки, тайком таская их из богатой отцовской библиотеки. Глава семейства, видимо, принимая всё это за баловство, бранил сына за то, что тот меняет книги местами, вносит сумятицу, ведь в

каждой из книг у него были заложены закладки в нужных местах. Но мальчик всё равно продолжил свои запретные увлечения.

Однажды отец взял почитать на время у одного муллы ценный богословский труд. За чаем он безудержно расхваливал книгу, приговаривая:

«Эх, хорошая книга! Переписал бы её, да не успею, скоро возвращать обратно». И каково было его удивление, когда спустя короткое время он держал в руках копию книги, которую в тайне от всех сделал маленький Шигаб. Мало того, он не только переписал её, но и снабдил комментариями, которые ак-

куратным почерком выписал на полях рукописи.

Начальное образование Марджани получил в отцовском медресе, в деревне Ташкичу. Будучи смыслёным по природе, он никогда не довольствовался пройденным материалом, занимался самостоятельно и уже в пятнадцать лет задавал учителям такие вопросы, которые загоняли их в тупик. В семнадцатилетнем возрасте юноша сам начинает преподавать в медресе, недовольный учебником персидского языка, он пишет его заново.

Поэтому вполне естественным желанием юноши было решение продолжить образование в одном из прославленных бухарских или самаркандских медресе. Отец обрадовался тому, что его сын пойдёт по его стезе, наберётся ума-разума.

* * *

17 мая 1838 года Багаутдин-хазрат отвёз сына в село Большие Менгеры, к знакомым купцам, которые отправлялись в Бухару с торговым караваном. Начался путь полный лишений, растянувшийся на долгие месяцы. В Троицке, ожидая оказии, будущий шакирд застрял на целых четыре месяца. Деньги, полученные от отца, таяли день ото дня, но юноша не растерялся. Прикупив на всю оставшуюся сумму различного товара: красивой посуды, ларчиков, шкатулок, он меньшую часть распродал по дороге, а большую – в Бухаре. На вырученные деньги купил себе отдельную комнату при медресе «Ишан халиф Ниязколы» и зажил «как белый человек».

Позже Марджани любил рассказывать шакирдам о своих бухарских «университетах». Спал он тогда мало, иногда по часу – всё время посвящая наукам, чтению книг, общению с учёным людом. Учёный утверждал, что недостаток сна – это не проблема для молодого организма, а вот хорошая и сытная еда – это святое. Поэтому Шигабутдин никогда не экономил на обедах, питался всегда вовремя и любил побаловать

себя различными вкусностями, например, знаменитым среднеазиатским пловом. Ну и, конечно же, не обходилось без «коронных» шуток Марджани. Ночами, нацепив излюбленную белую маску, он как тень ходил по спальне и пугал однокашников. Однажды доведя одного шакирда до предынфарктного состояния, зарёкся он так больше не шутить.

* * *

В 1849 году Марджани вернулся в Ташкичу. Несмотря на долгие годы разлуки, свежее испечённый выпускник Бухары мечтал поскорее перебраться в Казань – крупнейший центр мусульманской и европейской культуры. Он надеялся, что его знания, его научный багаж, накопленные за долгие годы среднеазиатских штудий, найдут применение на родине.

О нём знали и даже ждали, хотя и не с распростёртыми объятиями. К Марджани присматривался неформальный лидер всей татарской общины Казани, Ибрагим-бай Юнусов по прозвищу «Озын Ибрай» («Долговязый Ибрай»). Марджани устроили экзамен, после успешной сдачи которого и получения всех формальных разрешений, он был назначен настоятелем Первой соборной мечети.

Блестящее начало карьеры! Но Марджани не был бы Марджани, если бы остался беспрекословным, беззвучным исполнителем, плывущим по воле волн и по воле вышестоящего начальства. Учёный отличался гордым, независимым характером, из-за чего имел множество проблем. И внешне Марджани всегда держался с необыкновенным достоинством: во время посиделок и научных диспутов говорил мало и по делу. И если говорил, то смотрел человеку прямо в глаза и резал всю правду-матку, какой бы горькой она ни была. Трудно было что-то возразить учёному, который был одним, если не самым лучшим знатоком богословских наук в Казани. Да и не каждый решился бы поспорить

с этим крупным, физически сильным мужчиной, который в случае чего одним ударом мог бы решить возникшую проблему.

В те годы медресе и мечети содержали татарские баи, но в ответ они требовали соответствующего чинопочитания. В Казани существовал следующий порядок: после больших праздников имамы и муллы шли к помощнику казанского полицмейстера Шагиахмету Алкину, чтобы поздравить его и выразить своё почтение, а потом наносили визит крупному татарскому предпринимателю и меценату Ибрагим-баю Юнусову, с благословения которого учёный и начал свою казанскую карьеру. Марджани плюнул на условности и не стал никуда ходить. Как-то Юнусов при встрече не удержался и сказал ему: «Ладно, ко мне ты не ходишь, но к Алкину ходить-то должен. Он всё же человек при власти и как бы у тебя не было из-за этого проблем». Но учёный считал, что если Алкин и дорос до такой должности, то следовательно он человек неглупый и не будет опускаться до мелких разборок. Так оно и случилось, со стороны официальной власти не было никаких притеснений, зато с Юнусовым отношения испортились.

Если поначалу Ибрагим-бай Юнусов относился терпимо к «выходкам» Марджани и даже продолжал финансировать его деятельность и посылать подарки, то со временем он охладел к своему непокорному подопечному.

* * *

1854 год стал переходным этапом в жизни Марджани. Юнусов оборвал финансовые потоки, которые ранее щедро текли из его кармана. Но, как говорится, нет худа без добра. С одной стороны, жить и работать стало сложнее. Здание медресе, где преподавал Марджани, обветшало, не было отопления и шакирды таскали ведрами ледяную воду для омовения из озера Кабан. А с другой стороны, он получил свободу научного творчества, возможность высказывать

своё мнение без оглядки на авторитеты, на окрики и одёргивания, которые были неизбежны для традиционного, иерархического татарского общества того времени.

В 1862 году кандидатура Марджани была выдвинута на должность муфтия – главы Духовного Управления мусульман, но не получила поддержки оберпрокурора Святейшего синода Победоносцева. В 1867–1868 годах он был ахуном и мухтасибом Казани.

Именно в эти годы у Марджани словно открылось второе дыхание. Им овладел творческий азарт, желание сказать новое слово в богословской науке, а накопленные за долгие годы учёбы знания наконец-то стали переходить согласно законам физики из количества в качество.

В этот период им были написаны наиболее значимые труды: «Назурат ал-хакк», «Ал-Хикмат ал-балига», комментарий к «Мулла Джалалу», он приступил к работе над «Мустафад ал-ахбаром» и «Вафийат ал-Аслафом».

Книга «Назурат ал-хакк» («Китаб назурат аль хакк фи фардият ал-аша ва инлям ягиб аш-шафак» – «Взгляд на истину о необходимости вечерней молитвы независимо от наступления сумерек», 1870) – это богословско-философский труд Ш. Марджани, написанный на арабском языке, в котором автор развил религиозно-обновленческие идеи А. Курсави, заложил основы татарской просветительской идеологии. Автор полагал, что изменения продолжительности дня и ночи в северных широтах не могут отменить предписания ислама о пяти обязательных молитвах. Он обосновывал это, опираясь на Коран, хадисы, фикх и мнение наиболее уважаемых мусульманских авторитетов. Марджани, как и Курсави, придерживался принципа «открытых врат иджитхада» для любого мусульманина и допускал, что ислам может обновляться. Эта книга вызвала большой резонанс в татарском традиционном обществе, а сам Марджани стал объектом ожесточённой критики. К примеру, мулла ан-Насави выпустил

опровержение «Музхир ал-калимат ал-джаруда ал-лати хийа фи-н-назура» («Обличитель зловещих слов, которые есть в Назуре», 1874), на что Марджани ответил новыми книгами – «Хакк ал-маарифа ва хусн ал-идрак» («Истинное познание и лучшее постижение», 1880) и «Ал-Барк ал-вамид фи радд» («Сверкающая молния в ответ», 1888).

Свои взгляды по богословским и правовым вопросам Марджани изложил также в книге «Ал-Хикмат ал-балига ал-джунийя фи шархи ал-гакаид ал-ханафийя» («Предельно зрелая мудрость в толковании ханафитских догматов», 1888), предложив альтернативу известному во всём мусульманском мире комментарию богослова XIV века ат-Тафтазани «Ал-Азб ал-фурат ва-ль-маа аз-зулал ан-накийя ли-асрар-шарх ал-Джалал» («Пресная освящающая ключевая вода, объясняющая тайны комментария Джалала», 1875). Марджани выступал против спекулятивного богословия калама, указывал на неправомерное использование богословами некоторых философских понятий, отстаивал строгое разделение религиозных догматов и философии.

Семитомный био-библиографический труд Ш. Марджани «Вафийат ал-Аслаф ва Тахийат ал-Ахлаф» («Подробное о предшественниках, их приветствия потомкам») был составлен им в 1838–1889 годах и сохранился в рукописи. В нём он дал подробные сведения о выдающихся общественно-политических деятелях, представителях науки и культуры мусульманского Востока и татарского народа периода VII–XIX вв. В 1883 году было издано введение к труду под названием «Мукаддима китаб вафийат ал-аслаф ва тахийат ал-ахлаф».

* * *

До наших дней дошло не так много рукописных сочинений-автографов, написанных рукой самого Шигабутдина Марджани. Доподлинно известно, что татарский учёный записывал свои сочинения сам, а уже потом его работы

переписывали или ученики богослова, или специалисты-каллиграфы, благодаря которым мы имеем возможность ознакомиться с трудами Марджани в первоизданном виде. Учёный не доверял памяти и старался сразу же зафиксировать на бумаге всё ценное, что приходило ему в голову. Бывало так, что проснувшись ночью от внезапно осенившей его мысли, он вполыхах черкал её на белой стене спальни карандашом, а уже потом, утром, разбирал написанное.

В фондах Национальной библиотеки Республики Татарстан хранится несколько документов – автографов, написанных рукой самого Марджани. Эти раритеты были переданы в библиотеку в середине 1990-х годов потомками татарского учёного, которые не побоявшись репрессий, сохранили их в домашнем архиве. А ведь были времена, когда в тюрьму сажали лишь за обнаруженный дома экземпляр Корана, а в костёр советской инквизиции летели даже труды классиков марксизма-ленинизма, напечатанные на арабской графике.

Среди автографов, находящихся в Национальной библиотеке РТ наибольший интерес представляет черновик речи Шигабутдина Марджани, которую он произнёс 12 сентября 1876 года на торжественном открытии Казанской татарской учительской школы (КТУШ). Эта школа была открыта по инициативе известного учёного-тюрколога, инспектора татарских школ Казанского учебного округа Вильгельма Радлова (1837–1918). В КТУШ, обучение в которой было рассчитано на четыре года, брали юношей – выпускников русско-татарских училищ и русских классов при медресе. Студенты обеспечивались форменной одеждой, жильём и питанием за казённый счёт. Основными предметами были русский язык, педагогика, дидактика и естественные науки, которые преподавались на русском языке. Среди наиболее видных выпускников КТУШ можно назвать Гаяза Исхаки, Мирсаида Султан-Галиева, Гафура Кулахметова, Хусаина Ямашева и др.

Мусульманские богословские науки преподавались на татарском языке. В качестве учителя богословия Радлов пригласил своего старого знакомого Шигабутдина Марджани, с которым они поддерживали приятельские отношения. Он рассчитывал на то, что с приходом Марджани авторитет школы возрастёт в глазах татарской общест-венности, но просчитался. Муллы-ка-дистимисты тут же обозвали учёного «агентом миссионеров» и авторитет самого Марджани пошатнулся. Тем не менее, он проработал в Казанской татарской учительской школе целых девять лет. С другой стороны, нападкам подвергли и «немецкого агента» Радлова, которого казанские миссионеры, в частности, Евфимий Малов, обвиняли в излишних симпатиях к татарам.

В своей речи Марджани высоко оценил значимость нового учебного заведения в деле просвещения татар и полагал, что обучение в ней не противоречит канонам исламской религии: « [...] Согласно шариату наивысшей и совершеннейшей степеню нравственности являются знание и просвещение. В сравнении с другими религиями, ислам придаёт большое значение наукам. Не счесть числа коранических аятам и хадисам нашего пророка Мухаммада, которые призывают изучать науки [...]».

Своим высоким распоряжением на открытие этой школы, своей высшей милостью и теми средствами, которые он повелел израсходовать на организацию этого учебного заведения, Его Величество Российский император показал, что он заботится о мусульманах, печётся о развитии их образования, хочет, чтобы его подданные-мусульмане были в порядке.

Слава Аллаху, благодаря всем его стараниям, идущим на благо ислама, мы открываем такую совершенную и хорошо оборудованную школу. Мы, мусульмане, должны вознести ему слова благодарности, оценить по достоинству эту святую милость, ниспосланную нам свыше [...].

Люди знаний, не тратьте попусту отведённое вам время, старайтесь преуспеть в науках, стремитесь к совершенству, ведь благодаря наукам и знаниям наше общество может стать более нравственным и справедливым [...].».

Как видно из вышеприведённого текста, Марджани вовсе не был религиозным фанатиком, правильное сказать, он сам стал жертвой фанатиков, поскольку одним из первых среди татарской интеллигенции заговорил о необходимости изучения русского языка и русской культуры. Впрочем татарское общество последней четверти XIX века было ещё достаточно консервативным, закрытым для чужаков и чуждых веяний, русский язык в восприятии татар ассоциировался отнюдь не с Пушкиным и Лермонтовым, а с образом эдакого Луки Канашевича, от которого можно ожидать лишь одних неприятностей.

Со своей стороны Марджани легко переносил критику и особо не переживал по этому поводу.

В 1876 году он был избран членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В 1877 году на Четвёртом археологическом съезде первым из татарских учёных выступил с докладом по истории Болгара и Казани (опубликован в 1878 году под названием «Гилалат аз-заман фи тарих Болгар ва Казан» – «Завеса времени, покрывающая историю Болгара и Казани»). Научные труды Марджани высоко оценивались известными учёными-востоковедами Казанского университета В. В. Радловым, И. Ф. Готвальдом, А. К. Казем-Беком.

Учёный был человеком не бедным, и это помогало ему вести независимый образ жизни. Он очень переживал, если ему приходилось обращаться к помощи посторонних, поэтому чаще всего обходился своими силами и средствами.

Однажды зимой возникла необходимость съездить в родную деревню по срочным делам. Понадобились большие, грузовые сани, которые в те времена использовались редко и имелись

лишь у крупных баев. Знакомые сказали ему: «Иди к такому-то купцу и возьми сани на прокат». Но Марджани поступил по-своему: пошёл не к баю, а на базар и купил требуемые сани, хотя на них ушли все его сбережения.

Он носил самую дорогую одежду, запрягал в упряжку самых благородных и дорогих коней. Также он был неудержимым коллекционером и не жалел любых денег на старинные книги, рукописи, антиквариат.

Однажды на Курбан-байрам Марджани пришел в мечеть в шикарной шубе. Поговаривали, что она обошлась ему в 500 рублей (бешеные для того времени деньги). Все удивились, ведь даже у баев в те времена не было таких дорогих шуб. Тем не менее, учёного обвинили в заносчивости и излишней гордыне. И тогда он сказал: «Эх вы, дуралии! Как вы не понимаете, что если обычный человек надевает шубу за 200 рублей, то учёный муж обязан носить пятисотрублёвую. Если он запрягает лошадь за 300 рублей, то человеку науки положена лошадь стоимостью не менее чем в 500 рублей. Только тогда будут ценить знатоков знаний».

Он носил одновременно по двое золотых часов и когда шакирды в шутку спрашивались у него о времени, он отвечал: «Лучше, чем спрашивать у меня время, почитали бы книги. Там есть ответы на все вопросы». Таким образом он уходил от ответа.

Всё своё мало-мальски свободное время богослов посвящал науке и религии. Если он ставил перед собой цель, то старался добиться её. Однажды, решив за месяц прочитать весь Коран, Марджани стал повторять коранические суры не только во время пятикратного намаза, но и по дороге в мечеть или медресе. Если аят оказывался столь длинным, что не укладывался в обычную дорогу, учёный удлинял маршрут, петляя по соседним улицам до тех пор, пока не повторит весь аят целиком.

Поэтому он и ходил, смотря себе под ноги и не замечая никого и ничего вокруг. Окружающие говорили: «Наш

имам зазнался, не отвечает на приветствия!» Но они не догадывались, что Марджани был полностью погружён в свои мысли, ведь наука и знания всегда стояли для него на первом месте. В такие дни он назначал все встречи у ворот мечети или собственного дома и очень не любил, когда его останавливали на улице и прерывали ход его мыслей. Ничто не могло отвлечь Шигабутдин-хазрата от внутреннего созерцания, разве что бродячие собаки, которых он панически боялся и в качестве защиты носил с собой трость.

Но в моменты «просветления» учёный любил, чтобы ему оказывали внимание. Особенно это касалось шакирдов, которые должны были при встрече с учителем остановиться и поздороваться с ним по всей форме. Некоторые из ребят, завидя издали Марджани, перебежали на другую сторону улицы – кто знает, что взбредёт в голову строгого мударриса! Но учёный замечал проказников и отчитывал их потом по «полной программе».

Марджани много путешествовал по России, по странам Ближнего и Среднего Востока, в 1880 году совершил обязательный для каждого мусульманина хадж.

Ещё в XIX веке отправиться в дальний путь к святым местам могли позволить себе немногие – лишь самые смелые и выносливые. Сколько знаменитых татарских деятелей прошлого полегло в пути, так и не добравшись до места назначения! Это и поэт Аллахияр Суфий, умерший в Александрии в 1713 году, и учёный-теолог Габденнасыр Курсави, скончавшийся от чумы в Стамбуле в 1812 году по пути в хадж, и многие-многие другие.

Несмотря на отсутствие хороших дорог, всевозможные опасности, наши предки отправлялись в дальний путь, который занимал не один месяц передвижения пешком, верхом на лошадях и верблюдах и в лучшем случае – на кораблях.

Таким сложным и кружным путём совершил хадж и наш герой. В Казани

учёный сел на пароход «Вольский» и направился в Нижний Новгород. Оттуда через Москву и Киев поездом поехал в Одессу. Из Одессы снова пароходом в Стамбул. Там он опять сел на пароход и прибыл в египетский город Александрию. Проехав через весь Египет на поезде, он добрался до Суэца, где сел на пароход и наконец-то добрался до Аравии.

Марджани стал известен на весь мусульманский мир как крупный знаток исламской религии и светских наук. Он писал большей частью на арабском языке, поэтому его хорошо знали на Арабском Востоке. Он считался одним из лучших знатоков Корана в Казани, поэтому в 1860 году Духовное собрание поручило ему следить за точностью издаваемых Коранов. Эта работа отнимала у него много сил и времени.

Сохранилась переписка Марджани с ещё одним выдающимся татарским учёным Хусаином Фаезхановым, который в 1860 году писал ему по этому поводу: «Стоит заметить, что правка и исправление других книг помимо Корана – дело достаточно трудоёмкое и муторное. Четыре-пять раз прочтёшь, и не просто так, а обдумывая каждую мелочь, и всё равно никак не избавишься от ошибок! Будет намного легче, если хороший оттиск Корана сначала прочтёт и сравнит пару раз один из ваших наиболее способных шакирдов, и лишь потом во второй, третий раз по тексту пройдетесь вы».

Но Марджани предпочитал всё делать сам. И если всё же не удавалось избежать ошибок или пропусков, то перепечатывал эти листы Корана за свой счёт.

Но как бы он ни старался, всё равно находились «доброжелатели», которые находили мелкие погрешности и тут же сообщали об этом в вышестоящие организации. И в результате, казанский учёный был отстранён от этой работы.

Шигабутдин Марджани был не только обязательным, но и очень аккуратным человеком. Все даже малоценные бумажки и квитанции он никогда не вы-

брасывал, а собирал их в своём архиве. Он не терпел малейшей грязи и всегда носил только всё чистое. Рабочий день Марджани заканчивался далеко за полночь.

Учёный не любил проводить время впустую. Он раздражался, когда приходилось уделять внимание всяким мелочам. Например, когда без необходимости запирали двери на навесной замке и, мало того, поднимали его наверх (видимо, для того, чтобы в замочную скважину не попадала дождевая вода), он говорил: «Смотрите, сколько времени приходится тратить на пустыки – сначала опускаешь замок, потом вставляешь ключ, потом открываешь, хотя всё это можно было бы сделать одной рукой и гораздо быстрее».

Возможно, это было также связано с тем, что учёный предпочитал любое действие совершать правой рукой или ногой. Ему приходилось сильно принаравливаться, чтобы сесть в повозку или на лошадь с правой ноги, не используя левой. И к собеседнику он всегда садился правым боком. Иногда это принимало анекдотичную форму. Один из его знакомых вспоминал о том, как они путешествовали с Марджани в повозке. Учёный по своему обыкновению сел правым боком к попутчику, но поскольку он был человеком, мягко говоря, крупным, то повозка всё время кренилась в его сторону и лишь чудом не опрокинулась.

Марджани был очень набожным человеком, и все обязательные намазы старался читать не дома, а в мечети. В годы его молодости, существовало мнение, что последний, пятый намаз-ясту читать не обязательно, поскольку природные условия средней полосы входят в противоречие с каноническими, арабскими. Этот намаз пропускали многие казанские имамы, не читал его и отец Марджани, да и он сам. Лишь позже, обогатившись знаниями, он понял, что совершил большую ошибку. Поэтому все пропущенные в молодости ночные намазы, он позже прочитал в качестве дополнительных. Таким образом

он исправил допущенную по незнанию оплошность. Вот ещё один пример его набобности. Однажды, тяжело заболев, он долгое время провёл в постели. Выздоровев, наверстал упущенное, прочитал все намазы, пропущенные за время болезни.

Несмотря на то, что почти все свои труды писал на арабском языке, он с большим трепетом относился к родному, татарскому языку. И когда видел, что шакирды начинали ради моды говорить на «новоязе», примешивая русские словечки, то очень сердился и говорил по такому случаю: «Тел бетү – милләт һәм дин бетүдәр» («Если исчезнет язык, то вместе с ним исчезнут нация и религия»).

Марджани как историк много размышлял о том, почему татары имели свою государственность, но не смогли удержать её. Что касается Волжской Булгарии, то причину упадка этого государства он видел во внутренних конфликтах, а также в нашествии монголов.

Марджани был трижды женат, но семья всегда стояла на втором плане. Он был влюблён в науку и сильно верил в Аллаха. У него остались сын, две дочери и две жены. Он надеялся на своего наследника, дал ему религиозное образование, дал образование в Стамбуле, сделал муллой и мударрисом, но тот в последние годы заболел психическим заболеванием и отошёл от дел.

Напряжённый труд и старость подточили силы Марджани. Учёный в последние годы сильно болел. Он страдал от болезни желудка, ничего не мог есть, сильно исхудал, обессилел. Но даже на смертном одре учёный, который и лежать-то уже не мог, думал о науке. Он во что бы то ни стало стремился завершить свой капитальный исторический труд «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» («Использованные сведения к истории Казани и Булгар»), посвящённый истории булгар, хазар, татар и других тюркских народов.

Этот капитальный трактат стал первым в татарской исторической науке трудом, основанным на многочисленных, проверенных временем источниках. Среди них работы таких авторитетов, как Ибн Руста, Ибн Хаукаль (X в.), Абу Нугайм, ал-Бекри (X–XI вв.), Идриси, Абу Хамид ал-Гарнати, Закария Казвини (XII–XIII вв.), Ибн Халдун, Ибн Баттута (XIII–XIV вв.) и многие другие. Известно, что при написании своего труда учёный активно использовал и русские летописи и книги. Например, «Повесть временных лет», работы востоковеда Д. А. Хвольсона и др. Большое внимание он уделял древним татарским легендам и преданиям, которые он также относил к серьёзным источникам, достойным самого пристального внимания.

Последние абзацы книги Марджани диктовал своим ученикам, снабжал их данными и в случае своей кончины просил их дописать недостающие части «используя мой стиль и манеру письма».

Скончался Марджани 18 апреля 1889 года в возрасте 71 года. Последними его словами были: «Аллах – наш Господь и Господин миров!»

На одной из конференций в Казани, посвящённой Ш. Марджани, известный учёный-исламовед, сириец по происхождению, Тауфик Ибрагим сказал следующее: «Я мог бы прочесть свой доклад на арабском, но не буду. Поскольку здесь витает дух Марджани, который знал этот язык намного лучше меня».

И эти слова не были дежурным комплиментом именитого гостя, поскольку ещё мало кому удалось приблизиться к гению татарского богослова.

...Маленький, озорной мальчишка стал великим учёным, память о котором навсегда сохранится в умах и душах татар. Ведь он сумел поднять авторитет татарской богословской науки до невероятных высот, и даже сейчас мало кто может поспорить с его гением.

